

Культура. — 1991. — 28 дек. — С. 5.
Лицо Ольги Гобзевой знакомо зрителям. Многие помнят ее романтических, бескомпромиссных героинь в фильмах шестидесятых годов. Она снималась у М. Хуциева в киноленте «Мне двадцать лет», у Л. Шепитько в «Крыльях», у Э. Климова в «Похождениях зубного врача». Последняя работа актрисы — роль в фильме «Мальчики». Мы встретились с Ольгой Гобзевой в храме Большого Вознесения. Нет, она не репетировала новую роль, не изучала материал для создания будущего образа на экране. Ольга Фроловна ведет здесь занятия в детской воскресной школе. И эту свою работу называет непривычным для светского человека словом — послушание.

Церковь «за кулисами» напоминает наше обычное учреждение. Те же столовские запахи, кое-где обвалившаяся штукатурка, двери с табличками. А кабинет, в котором рас-

полагается администрация воскресной школы, очень похож на учительскую: входят-выходят какие-то люди, заглядывают дети, на столе — графики с расписанием. Только вместо

ПОСЛУШАНИЕ

неизменного портрета Ленина на стене — строгие лики святых.

Я осторожно вхожу в класс, где идет занятие, пробираюсь к задним скамейкам, на которых сидят родители. Рядом со мной — молодой мужчина, держащий своего ребенка.

Семилетняя девочка звонким голосом читает наизусть стихотворение о Христе, о «пощечинах солдата Пилата», о грустных глазах Марии Магдалины.

— Молодец! Умница! — Ольга обнимает ребенка за плечи. — Но обрати внимание, ты глотаешь окончания.

Занятие подходит к концу, и Ольга предлагает помолиться. Дети встали, запели молитву. Молодой человек, сидевший рядом со мной, осторожно приподнялся, как при исполнении гимна чужой страны. И, краем глаза взглянув на меня и на соседку справа, быстро перекрестился.

Ольга ведет в воскресной школе факультатив «Русская духовная классическая поэзия». Знакомит детей со стихами Пушкина, Баратынского, Майкова, Жуковского. Это, как правило, произведение на библейскую тему.

— Сегодня популярны курсы быстрого чтения. Я хочу научить детей читать медленно, осмысленно, — говорит Ольга.

Я усомнилась: может ли понять семилетняя девочка, толь-

ко что декламировавшая стихи, что именно в них написано. Ведь тут нужна подготовка. Это неважно, считает Ольга, ребенок почувствует интуитивно, то, до чего не сумеет дойти умом.

Однажды Ольга прочла короткое, но очень сложное стихотворение. Оно было написано гекзаметром, там встречались трудные, непонятные детям слова.

— Кто хочет выучить это стихотворение?

— Я! — радостно вскопчил самый маленький трехлетний мальчик.

Ольга не дала ему текст. Ребенок заплакал. На следующем занятии Ольга попросила у него прощения и помогла выучить это стихотворение. Надо было видеть, как сиял малыш, читая его на благотворительном концерте в Зале имени Чайковского! Слезы вытирали даже совсем несентиментальные люди.

Ольга преподает также в православной гимназии этику и этикет. Девочки и мальчики там обучаются раздельно. Ольга считает, что это правильно: «Всем известно: разбиваются они неравномерно. Но дело даже не в этом. Когда мальчики видят, как краснеет у доски девочка, не выучившая урок, или когда девочки наблюдают на физкультуре, как неуклюж мальчик,

разрушается этика отношений. Обратите внимание: раньше парень брал замуж девушку, как правило, из другого села: он не видел, как она росла, она для него представляла тайну».

Ольга начала занятия в младших классах с того, что попросила девочек принести любимую куклу. В основном это были наши стандартные Анжели, Кати, Светы. Разница заключалась лишь в том, что какие-то куклы так и остались в магазинных платьях, а на других были с любовью пошитые дома наряды. Некоторые ученицы, правда, принесли американских Барби.

«Кто она тебе?» — спрашивала Ольга девочек. «Дочка» — как правило, отвечали они. И лишь владелицы Барби называли своих кукол «племянницами». Тогда это потрясло Ольгу:

— Русская женщина всегда была золотым фондом нации. Ее отличали доброта, нежность, безграничная любовь к детям. И вдруг — «племянница»...

— Ольга, а вы не боитесь, что, воспитывая в девочках мягкость характера, терпимость, послушание, вы вырастите «дюймовочек», которых погубит первый же холодный ветер нашей реальной жизни?

— Нет, ветер может свалить дуб, снести крышу, но никогда не сломает лозу: она согнется,

но потом обязательно выпрямится. Эта мягкость нашей русской женщины рождала сильных мужчин.

Я не согласна с Ольгой, мне кажется, наоборот: сегодня мы вынуждены быть неслабыми, потому что надеяться не на кого. Но спорить не хочется. И чем больше думаю, тем больше кажется, что она права. В том, что всем нам — и мужчинам тоже — не хватает порой гибкости. Мы привыкли «непримиримо и гордо идти к намеченной цели», зарабатывая на этом пути стрессы и болезни. В то время как рядом тебя могут ожидать другие жизненные задачи со множеством ценностей.

Сказать, что Ольга обратилась к Богу совсем недавно, было бы неправильным. Сколько помнит себя, в доме всегда горела лампада, в Бога веровали и родители, и брат, и сестры. Сегодня ей вообще кажется, что ее вера не прерывалась. Хотя, конечно, тогда, в шестидесятые, было не до того; актерская среда, масса поклонников и съемки, съемки, съемки... А потом... закончилась пора «оттепели», прошла мода на ее чистых, возвышенных героинь. Снимать перестала. Обычная история, загубившая не одну актерскую жизнь. Ольга меняется в лице, когда я прошу ее рассказать о тех, с кем она начинала в кино. Этот покончил с собой, этот спился, эта не вылезает из психиатрической больницы.

Когда такая трагическая минута наступила в ее жизни, Ольга бросилась на исповедь к отцу Михаилу: нет работы, нет денег, ушел муж... «А вы включайтесь в борьбу за возвращение верующим храма Большого Вознесения», — предложил батюшка. Это сейчас церкви беспрепятственно отдают общинам, а тогда борьба пред-

стояла нешуточная. Кстати, наша газета тоже участвовала в ней. Храм Большого Вознесения — это та самая церковь, в которой венчался Пушкин.

— Какая простая мысль: если тебе плохо, возьми на себя трудное, почти непосильное дело. И все образуется! — говорит Ольга.

И действительно, все узлы в ее жизни начали развязываться: снова стали приглашать на съемки, дни наполнились заботами, а главное — появилось много близких по духу людей. «Мне показалось, я вернулась к своим. Здесь, в общине, как ни странно, меня оценили точнее, чем в искусстве...»

Мы сидим дома у Ольги. Ее пятнадцатилетний сын Святослав кормит из пипетки котенка — у кошки пропало молоко. На стенах — иконы, иконы. Почерневший от времени «дорогой, многоуважаемый шкаф», старинная люстра... Ольга, красивая, высокая женщина, делает бутерброды с рыбными консервами («С продуктами совсем плохо, но не стоять же в очередях...»). В доме уже три года не работает телевизор — он стоит на полу, в углу («Совершенно не разбираюсь в политике, да и не хочу. Это только вводит в уныние»). Стол у Ольги завален книгами со стихами — скоро Рождество.

У разных людей — разное отношение к жизни. Кто-то все время ждет, что она подарит ему счастье. Кто-то пытается брать от нее все, что можно. А кто-то стремится отдать то, что имеет: свой талант, свое тепло, свою энергию. И может быть, как раз эти люди сумеют сохранить в себе личность, когда другие лишь борются за выживание.

Н. РУСАКОВА.

● Ольга Гобзева в роли Натальи Герцен в фильме «Старый дом».